Константин Глазков, Елена Зверева

Любимый район: к вопросу о привязанности к городу

В статье рассматривается проблема смысловой пустоты пространства Москвы. Авторы проблематизируют базовое противопоставление центр — периферия. Через анализ указанной оппозиции проводится реконструкция пространственно-сетевой организации смыслов, которые горожане вкладывают в рассказ о любимых местах столицы. Методологически город рассматривается в перспективе, предложенной Джоном Ло: в качестве поточного объекта, который конституируется устойчивым смысловым ядром и подвижными элементами. Выбранный метод требует от исследователей искать стабильные проявления города в евклидовом и неевклидовом пространствах. Для этого авторы выявляют изменчивые связи между городским субъектом и местами, к которым он привязан. На базе этих связей аналитически выделяются линейные и двумерные структуры — пути и районы. В заключении делается вывод о смысловой морфологии Москвы.

Ключевые слова: пространство, место, центр — периферия, поточный объект, формы пространственности, пространственно-сетевой анализ, путь, район, любимое место.

«Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну»
Осип Мандельштам

Способы рассказывания о городах меняются вместе с городами. Некогда компактные и функциональные, города, а теперь уже

Глазков Константин Павлович — бакалавр социологии, студент магистратуры Высшей школы урбанистики. Научные интересы: социальная география, сетевой анализ, ментальные карты. E-mail: glk@gorod.org.ru.
Зверева Елена Андреева — студентка бакалавриата социологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология города, методология социологических исследований. E-mail: zea@gorod.org.ru.
Эта статья написана по материалам НИР «Городская среда и культурное пространство мегаполиса: сравнительное исследование социальных барьеров городского развития», выполненного по Государственному заданию РАНХиГС за 2014 г.

сети городов расползлись по всему миру, ставя под вопрос попытки определения «городского».

В ответ на вызовы современности некоторые исследователи предпочитают говорить о городе с привлечением таких понятий, как «язык паттернов», «утопия», «события» [Alexander, 1977, p. 15; Вахштайн, 2012; 2013], стараясь преодолеть ограничения непродуктивного географического описания. Иную ситуацию мы наблюдаем в лагере тех, кого принято называть урбанистами. Им свойственно препарировать город, разделяя его на структурные пространственные единицы, четко обозначая их статус, объем и тип функций, проводя инвентаризацию наполняющих пространство вещей и людей. Исходя из понятных (административных или производных от них) границ, представители этого подхода описывают и сравнивают элементы, анализируют их связанность, развитость, мнение населения [Левинсон, 2013; Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013], [Богоров, Новиков, Серова, 2013][1].

Первый подход, условно назовем его языковым, объясняет, почему та или иная система описания города доминирует в определенный исторический период. В то же время такой подход склонен отказываться от содержательного определения города, и универсальность подобных описаний вызывает сомнения.

Второй подход — урбанистический — формализовано фиксирует наблюдаемые процессы, но не пытается (а скорее, не способен) понять, почему они происходят, как встраиваются в метаописание или теорию. Другими словами, первые теряют объект описания (город), осознанно отказываясь от попыток его определения, вторые погружаются в него, не проблематизируя, и продолжают наивное наблюдение.

Стремление занять однозначную позицию по отношению к городу (а значит, и к способам его познания) и свести все происходящее в нем к единой причине непродуктивно, о чем предупреждает Зигмунд Бауман, называя подобные перекосы «однофакторными» [Бауман, 2008, с. 25]. К сожалению, урбанистике зачастую не остается другого выхода, как четко заявить свою однофакторную позицию и продолжать, пускай и непродуктивно, добывать знание о городе. Предложенная работа представляет собой попытку описания города, выполненную в родственной логике, тяготеющую к социальной географии и социологии пространства.

---

1 Авторский коллектив трех разделов («Общество», «Культура», «Данные») исследовательского проекта «Археология периферии», выполненного для Московского урбанистического форума в 2013 г..

Мы сделаем акцент на пространственно-сетевой организации смыслов города, рассматривая, как жители различают в безбрежном пространстве мегаполиса любимые места. Какой смысл они вкладывают, когда упоминают то или иное место? Как это место соотносится с местами проживания и рабочей деятельности? Что в результате мы можем сказать о том, как город устроен с точки зрения смыслов? Иными словами — что город означает?

Необходимость постановки подобных вопросов, казалось бы, бесполезных и эфемерных, продиктована проблемами, которые озвучиваются в научных и житейских дискуссиях не первый год. В их круг входят безликость и смысловой вакуум городского пространства («смысловая пустота» [Богоров, Новиков, Серова, 2013, с. 388–402]); отсутствие у Москвы своей мифологии; непонимание, кого считать москвичом и где проводить границы города[1]; «вахтовое» отношения к Москве; вопрос о том, что останется, если забрать у столицы деньги и власть (вынести за скобки «вмененные мотивы» [Филиппов, 2012, с. 32]).

Непроблематичное использование базовых противопоставлений (центр — периферия) и упрощенного понимания центра «как наложения функций» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013, с. 287] не позволяет ответить на подобные вопросы. Применительно к Москве, к примеру, остается парадокс: почему периферия Москвы, которая по показателям качества жизни обладает всеми возможностями для процветания, все же выпадает из поля внимания не только чиновников, но и жителей. Если учесть, что жители периферии составляют подавляющее большинство тех, кого принято называть москвичами, такая постановка проблемы получает общегородской масштаб.

Город как поточный объект

Представителям урбанистического подхода, в том числе авторам сборника «Археологии периферии», свойственно однозначно фиксировать, что есть центр, и где начинается периферия. Это базовая предпосылка, которая не ставится под сомнение. Московский «бублик» имеет предельно четкие границы. Между тем сами исследователи не раз задавались вопросом, чем же отличается центр от периферии. С точки зрения географии, ответ уже получен — они особым образом расположены в пространстве. Но нам

1 «Пока получается, быть москвичом — значит питаться от того капитала, который производится в центре столицы, тогда периферией столицы является почти вся страна» [Паченков, 2014, с. 101].

интересны социально значимые последствия такого расположения, которые простым указанием границ прояснить нельзя.

Нередко утверждается, что у центра в отличие от периферии имеется символический ресурс. В то же время остается непонятным, в чем он заключается? Кто или что конституирует и контролирует этот ресурс?[1] Ответ, который ближе к системному и контрфинальному подходу [Баньковская, 2011], чем к конструктивистскому, мог быть следующим. Определение своего места возможно только в случае повсеместного признания чего-то, например центра, в качестве общей точки отсчета. Природа периферии, скорее, свидетельствует в пользу ее оппозиции центру и обретению своего содержательного наполнения через его отрицание.

Примечательно, одна из входящих в «археологию периферии» публикаций приводит распределение по вопросу: «Какое из следующих определений, на ваш взгляд, более всего подходит вашему району?» Самые популярные варианты: это район вблизи центра (32%)/это район на периферии города (36%), реже люди выбирают определение своего районе через окраину: это район вблизи окраин (18%)/это окраина Москвы (19%) [Левинсон, 2013, с. 366]. Окраина (как в одноименном фильме Петра Луцика) — место «нигде», действие в нем развертывается исключительно в былинном или сказочном ключе, так как привязки к реальности оборваны в силу отсутствия точки отсчета. Периферия (по-гречески — окружность) в свою очередь сразу обозначает свое положение, находит свое место по отношению к центру, из которого и чертится окружность.

В таком случае стоит признать, что у центра есть символический ресурс. Но остается непонятным, почему именно данный конкретный центр выбран (и выбирается вновь и вновь)? Значит ли центр Москвы для ее жителей больше, чем точка для иглы циркуля? Работают ли для нашего смыслового подхода к описанию города какие-либо различения, будь то центр/периферия, мобильный/неподвижный и другие? В каких отношениях они находятся друг с другом? Например, мобильность — это не просто возможность перемещаться, а возможность быть горожанином, т. е. приобщаться к городскому (быть может, к центральному?). Способность к мобильности дискриминирует людей по районам проживания: подвижные достигают центра, там они находят единение «далеко за пределами малых групп»[2].

---

1 Ответ на этот вопрос дается в духе Бурдье в книге Трущенко О. (1995) *Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве*, М.: Socio-Logos.

2 «Мобильность, как нам представляется, действительно может быть одним из ключевых феноменов, но это не феномен разрушения солидарности,

Говоря о городе, который мы не лишаем статуса пространственного объекта, мы часто упоминаем подвижность его составляющих. Современные попытки концептуализации перемещения часто требуют использовать в качестве точки отсчета не территориальные единицы, а само перемещение [Филиппов, 2011, с. 12]. Ведь чтобы описать что-то перемещающееся (изменяющееся), мы фиксируем его в качестве постоянного (неизменного). Такой подход можно условно назвать поточным.

Можно встретить два понимания потока. Первый, он же глобальный, связан с именами Кастельса [Castells, 1989] и Баумана [Бауман, 2008, с. 34–35]. В его рамках поточное противопоставляется локальному, т. е., по сути, имеет глобальную природу. Описание города как потока в таком понимании обречено на смещение фокуса исследования в сторону над-городской реальности, где город удобнее рассматривать в качестве логистической точки, через которую проходят и распределяются ресурсные потоки. Мы же хотим узнать о городе нечто иное, внутренне ему присущее.

Ввиду этих обстоятельств более продуктивным представляется определение потока в духе Джона Ло. Он исходит из того, что имеются множественные формы пространственности, которые конституируются составляющими их объектами. Исследователь выделяет три формы — евклидовую, сетевую и поточную, каждая из которых самостоятельна, но находится с другими формами «в напряженных отношениях».

Приведем пример. Вагон метрополитена следует рассматривать в качестве евклидового, сетевого или поточного объекта? Однозначного ответа нет, так как существенные для наблюдения свойства задаются самим наблюдателем. Если мы утверждаем, что вагон на ходу и его детали находятся в должном и взаимоупорядоченном состоянии, мы скажем, что вагон является устойчивым евклидовым объектом. Наше утверждение потребует уточнений, если мы обратим внимание, что вагон перемещается между станциями метро. Да, это все тот же евклидовый объект, который, тем не менее, с точки зрения евклидовой пространственности, меняется, а значит, не является устойчивым. Наконец, ситуация изменится, если мы отметим, что сама система метрополитена представляет собой граф станций, между которыми курсируют электропоезда. Мы также обнаружим, что такая простая, казалось бы, система отношений поддерживается массой иных объектов — от входных турникетов до табло. Наблюдая конфигурацию объектов, которые

а феномен нового производства солидарности далеко за пределами малых групп» [Филиппов, 2011, с. 19].

постоянно движутся (вагоны едут, на табло вспыхивают цифры) в евклидовом пространстве, мы можем описать метро как сетевой объект, обладающий своей устойчивостью. Однако он продолжает меняться (если, конечно, на то есть средства и добросовестность градоначальников). Означает ли это, что мы должны усомниться в самой возможности описывать мир как стабильную структуру?

Вводя поточную пространственностm, Ло отвечает на вопрос: «действительно ли речь идет о „сломанном“ объекте или все же насос[1] сохраняет гомеоморфность, но в неком ином пространстве?» [Ло, 2006, с. 39].

В «*неком*» — самое интересное в этом определении. Потому что интуитивно хоть и понятно, что такое постоянно меняющиеся отношения, но осмыслить, а тем более увидеть это — немыслимо! «В пространстве потоков *изменение* необходимо для сохранения гомеоморфизма» [Ло, 2006, с. 39]. Как можно описать (пусть и неформализованным образом) то, что постоянно меняется? Описать поток, находясь в пространстве потоков, означает определить ядерные отношения между объектами, которые конституируют переменчивое постоянство. Проблема в том, что отношения постоянно (хоть и постепенно) меняются. Ситуация становится совсем запутанной, если следовать логике Лои утверждать, что поточные объекты производят поточное пространство, вступая в отношения с другими поточными объектами. Пытаясь схватить убегающую реальность, мы ее определили через бесчисленное множество возможных переменчивостей.

Выход из сложившегося затруднения — признать, что город является поточным объектом, анализ которого возможен лишь с помощью фиксации его в стабильных формах пространственности (евклидовой и сетевой).

Пространственно-сетевой анализ мест

Описание города как поточного объекта диктует необходимость найти его устойчивое смысловое ядро, определив его пространственно-сетевую конфигурацию.

Назовем пограничными те понятия, которые можно определить и посредством пространства, и через сети смыслов. Их особенность — быть на стыке физического и социального, географии и социологии. Таким ключевым понятием будет «место».

1 В нашем случае московский метрополитен.

Место есть результат обживания абстрактного пространства, придания ему смысла. Данная традиция широко представлена текстами социальных географов [Верлен, 2001; Casey, 2001; Tuan, 1990; Auge, 1995; Relph, 1976] и представителей социологии пространства [Филиппов, 2008]. Помимо мест исследователи выделяют не-места [Auge, 1995; Relph, 1976; Лефевр, 2002], пустоты [Филиппов, 2009], руины [Трубина, 2013]. Все обозначенные пограничные понятия, так или иначе, поддаются классификации по общим основаниям. Эти локальности различаются смысловой насыщенностью и текстурированностью, т. е. наличием объектов и тел, образующих сюжетику возможных поведенческих актов[1].

Охарактеризуем пригодность понятия «место» для пространственно-сетевого описания. С одной стороны, место всегда локализуется по отношению к другим местам в пространстве. С другой стороны, место невозможно без субъекта, придающего ему смысл. Это означает, что между ними устанавливается взаимно конституирующая связь, которая, превозмогая любые расстояния, поддерживается в топологической конфигурации. Таким образом, места могут описываться как посредством пространственной, так и сетевой упорядоченности, что позволяет анализировать город как поток.

Тем не менее, зачастую в рамках социологических объяснений сети противопоставляются пространству. На уязвимость подобного подхода указывает ряд исследователей, отмечая, что «сетевые кочевники» сильно зависят от пространственно-упорядоченных точек доступа [Митчелл, 2012, с. 69]. В таком случае будет не совсем уместна «ирония Р. Парка в адрес инженера Дж. Б. Идса, предложившего создавать свободные ассоциации бродяг (что-то вроде профсоюзов для бездомных)» [Вахштайн, 2013б, с. 15–16]. Если что-то находится в сетевой пространственности, это не значит, что оно вне-локально или представляет собой «не-территориальное образование». Кочевник (будь то виртуальный странник или дальнобойщик), пожалуй, даже сильнее зависит от пространственной организации инфраструктуры точек доступа, чем статичный во всех формах пространственности домосед. Если он не достигнет точки доступа, то не обретет относительно стабильного места, а значит, может попросту погибнуть — перестать быть кочевником, тем самым изменив своей сущности. Таким образом,

1 Детальный обзор и сопоставление «пограничных» понятий см. Глазков К., Круглова К. (2014) «По*граничные» понятия: теоретические и эмпирические основания различения типов локальностей*. [Конкурсы для студентов и молодых ученых Московского института социально-культурных программ. Работы победителей 2013 года: лучшие эссе и проекты исследований], М.: МИСКП: 6–29.

места, если они признаются кочевниками в качестве значимых точек доступа (сетевых узлов), могут образовывать устойчивые общности, организация которых носит пространственно-сетевой характер.

Понятие «место» хорошо укладывается в указанную логику. Если город рассматривать как поточный объект, чья конфигурация может быть зафиксирована в пространственно-сетевых формах, то места, включенные в эту конфигурацию в качестве элементов, не должны противоречить природе этих форм. Так, место как смысловой комплекс, локализованный в пространстве, обязательно отсылает к конкретной локальности. В то же время образование смыслового комплекса и вычленение из абстрактно-неделимого пространства места требует взаимно конституирующих отношений между множеством субъектов и самим местом. Иными словами, образование места (или бытование в качестве объекта) имеет пространственно-сетевые последствия, которые могут быть описаны. Не стоит забывать утверждение Ло о перекрестных отношениях между формами пространственности. Гомеоморфность объекта в любой из форм пространственности поддерживается его неустойчивостью в остальных формах. «*Чтобы создать объект, гомеоморфный в пространстве сетей, приходится иметь дело с евклидовым пространством*[1], т. е. создать объект <...> чьи *относительные евклидовы координаты постоянны* (курсив мой — *К. Г.*)».

Устойчивость смыслового комплекса, выраженного в сетевых отношениях, может достигаться за счет относительно постоянных координат. Иными словами, место способно двигаться само по себе, меняя физические границы в зависимости от привнесенного смысла. Особенно печальные последствия этого процесса заметны, когда целый район лишается исторического названия и смещается из-за недавно открытой станции метро (в Москве такая участь постигла Китай-город и Вешняки).

Любимый район: моральный регион или третье место?

Учитывая стабильно-переменчивую структуру мест, особое внимание необходимо уделить процессу образования и трансформации. Как сказано выше, место является результатом вычленения из недифференцируемого пространства значимого для субъекта смыслового комплекса. Придание значимости отсылает нас к символическому бихевиоризму, основателем которого является Дж. Г. Мид.

1 Курсив Ло.

В. Николаев, реконструируя логику Мида [Mead, 1938], отмечает, что субъект придает значимость воспринимаемому миру, занимая по отношению к нему активную позицию. *Перцепция* как схватывание объекта подразумевает установление связи между воспринимающим субъектом и элементами среды. Устойчивое отношение между ними требует постоянной проверки сложившихся схем действования, которые поддерживаются *в мире опыта*. Перцепция, как и последующие перепроверки, сводится к переживаниям *в контактном опыте*, который имеет *кинестетические* свойства. Контактный опыт ограничен здесь и сейчас *зоной манипулирования* элементами среды[1] [Николаев, 2011, с. 201–210].

Применительно к нашей аргументации важно, что придание значимости месту как элементу среды осуществляется посредством кинестетики, т. е. в результате переживания передвижения. Смысловой комплекс при этом не перестает меняться, поддаваясь перепроверкам, а его содержание и значимость возможны лишь в сложившейся *конфигурации опыта*.

Схожее описание механизма образования места мы встречаем у Мишеля де Серто, где он анализирует пешеходные практики: «своими шагами пешеход присваивает топографическую систему», <...> «в ходьбе „разыгрывается“ пространство», «шаги увязывают различные места в некую систему отношений» [де Серто, 2008, с. 28]. Роль перемещения этим не ограничивается. Идея перемещения заложена в само понятие места.

Де Серто рассматривает пешеходные практики как спонтанные высказывания. «Выбирая те или иные означающие языка пространства, меняя их смысл по ходу употребления, пешеход обрекает одни слова/места на стертость или на забвение, другие же „складывает“ в необычные, случайные, недопустимые речевые/пространственные обороты» [де Серто, 2012, с. 29]. Иными словами, места рождаются и умирают на изломах перемещения, получая привносимый смысл или лишаясь его. Лишь возникнув, место оказывается зажатым между категориями «**здесь** и **там** — относительно позиции идущего» [де Серто, 2012, с. 29]. Место обретает себя в пути, в нем же оно и растворяется. Путь за счет оппозиции

1 В статье Николаева особое внимание уделяется также и неконтактному опыту, который получил широкое распространение в современных условиях развитости медиации [Николаев, 2011, с. 211–218]. На наш взгляд, именно неконтактному опыту принадлежит заслуга в образовании стандартизованы и бессмысленных городских ситуаций, которые некоторые исследователи называют смысловой пустотой, а другие — не-местами.

«„здесь“ versus „там“» помогает определить, в какой точке пространства сейчас находится движущееся «я», <...>, объединяя и разделяя места относительно движущихся субъектов» [де Серто, 2012, с. 29]. Так, наш концептуальный аппарат помимо точечного понятия «места» обретает линейный элемент — путь.

Понятие «путь» отсылает к осознанному переходу одного места в другое, благодаря которому места и обретают свою уникальную смысловую организацию, закрепленную в индивидуальной истории отношений с местом (в «диахронической последовательности» [де Серто, 2013, с. 108]). В свою очередь историчность, как и любая континуальность, подразумевает способы ее нарушения посредством памяти и благоприятного момента («*kairos*») [де Серто, 2013, с. 176], которыми и осуществляется «переход от одного состояния места к другому» [де Серто, 2013, с. 175].

Раскрыв взаимосвязь между точечным и линейным элементами (местом и путем) через кинестетический опыт и исторический контекст, постараемся обнаружить третий элемент. Он должен обладать площадью, и в перспективе города таким элементом, имеющим отношение к макроструктуре, может стать район. В данной работе район понимается как пересечения мест и путей, являясь по существу территорией, границы и смысл которой определяется элементами первых двух типов, входящими в его состав.

В литературе мы найдем важные эквиваленты нашему понятию. Так, Р. Парк выделяет понятие «моральный регион», которое определяется через набор мест, концентрирующих людей, ищущих схожие «формы возбуждения» [Парк, 2011, с. 52]. Примечательно, что такая близость по интересам может совсем не совпадать с территориальным соседством, которым является район проживания. Напротив, «это может быть просто место встреч, или место сбора» [Парк, 2011, с. 53].

Применительно к нашему исследованию полезно воспользоваться предварительной классификацией городских районов, чтобы иметь возможность их логически реконструировать на основе мест и путей. Самой известной из таких типологий является теория «третьих мест» Р. Олденбурга. Третьи места — это общедоступные пространства для повседневной коммуникации людей вне дома и работы [Oldenburg, Brissett, 1982]. Основные черты третьего места следующие: «Оно бесплатно или недорого для посещения; уравнивает (leveler) всех посетителей; основным времяпрепровождением является беседа; посетители доброжелательно настроены друг к другу; есть постоянные посетители; там комфортно как „дома вдали от дома“» [Войнилов, 2013, с. 182]. Впоследствии некоторые свойства были оспорены и переинтерпретированы [Freeman, 2008; Jeffres, 2009].

Так как «третье место» непременно подразумевает коммуникацию посетителей, нам представляется более продуктивным использовать категорию «любимых мест», которая свободна от дополнительных коннотаций кроме противопоставления дому и месту работы. Данная категория носит условный характер, и ее содержание будет определяться в соответствии с эмпирическим материалом и указанными свойствами третьих мест.

Кочующие места и районы

Возвращаясь к понятию «морального региона» и связанному с ним феномену соседства по интересам, процитируем З. Баумана: «сообщества» места представляют собой динамичные конструкции, находящиеся «в процессе создания» [Бауман, 2008, с. 38]. Подход, в рамках которого смысловая организация района проживания или любимого района выстраивается вокруг мест и носит динамичный характер, представляется нам наиболее перспективной.

В современных условиях использование однозначных определений для идентификации, например, места под названием «дом» является неуместным. Многие исследователи отмечают «кризис дома». «Он [дом] концептуализируется уже не как статичное место, но как динамический процесс, включающий воображение, создание, уничтожение, изменение, потерю и перемещение дома. Принципиальным стало представление о Доме как о мультилокальном, ситуативном, подвижном, противоречивом и текучем» [Бредникова и Ткач, 2010, с. 77]. Дом, подобно замку Хаула в мультфильме Хаяо Миядзаки, находится в процессе становления, он «рассматривается и как территориально закрепленный, и как меняющийся». «Это и материальный объект, и практики, и эмоции, и смыслы, конструирующие идентичность человека с домом» [Бредникова, Ткач, 2010, с. 79].

Перед тем как двинуться дальше, необходима ремарка. В рассуждениях о местах, путях и общей смысловой организации города мы как будто игнорируем рутинные действия, предоставляющие основной материал для наивного урбанистического наблюдения. Тем не менее, надо понимать, что задача по поиску смыслового ядра вынуждает отказаться от рассмотрения нерефлексивых социальных явлений, благодаря которым Москва и развивается преимущественно за счет разрыва связи со «старыми смыслами», «поиска участка земли, свободного от памяти, традиции и общезначимых смыслов», «сравнивания с землей старые кварталы» [Бауман, 2008, с. 29]. Перечисленные феномены требуют обратиться к историчности города и сохранившимся смыслам, которые все еще аккумулируются в местах.

Методология исследования

Сбор данных осуществлялся с помощью партисипативного картографирования, [Линч, 1982; Веселкова, 2010]. Данный метод занимает промежуточное положение между фокус-группой и творческим воркшопом по созданию групповой карты [Fahy, Cinnéide, 2009].

Объектом исследования выступали студенты НИУ ВШЭ, а также выпускники, которые окончили университет два года назад, но продолжают в нем работать. Выбор объекта обусловлен двумя причинами. Во-первых, студенты наиболее мобильны, а, значит, любимые места могут быть разбросаны по городу, а их содержание может быть максимально разнородным. Во-вторых, применительно к студентам в большей степени оправдано упрощение, в рамках которого мы подменяем «родной» район проживания текущим районом проживания, а район рабочей деятельности — районом, где расположен учебный корпус, что позволяет соотнести выявленные любимые места с этими устойчивыми координатами.

В соответствии с указанными причинами выборка диверсифицирована по районам активности (учебы и работы). Всего проведены четыре дискуссионных группы, в них приняли участие 22 студента из 10 учебных корпусов: 9 студентов бакалавриата, 9 — магистрантов и четверо выпускников. 13 из них окончили школу в Москве, 9 — за ее пределами; 7 — живут в общежитии вне города (Одинцово), 15 — в квартирах в черте города, причем среди них: 5 — в Южном административном округе, 4 — в Восточном, 3 — в Северном, 3 — в Центральном.

Результаты исследования

Описательная статистика

По итогам групп участники рассказали о 188 любимых местах, которые условно образуют 19 моральных регионов и включают в себя четыре маршрута наземного транспорта (один трамвайный и три троллейбусных). В среднем за группу упоминалось от 44 до 72 любимых мест, т. е. одним человеком — около 12 мест (от 5 до 36 мест).

Что такое любимое место?

Перед тем как приступить к групповой работе по созданию карты любимых мест, мы обсуждали с участниками группы, как они понимают, что такое любимое место.

На основании ответов у нас получилось следующее описание. Любимое место — место, в котором приятно находиться, можно расслабиться и забыть о суете. Оно выделяется на фоне города, у него есть свой *дух*, своя особая история, связанная с человеком, городом и страной. Нередко оно напоминает о близких или знакомых людях. Зачастую любимое место обладает эстетической ценностью, оно уютное и красивое. Если это коммерческое заведение, там комфортно находиться, можно пообщаться, например, в дружеской компании, хорошо провести время.

Как мы видим, некоторые черты (возможность собраться с друзьями для общения) четко указывают на близость рассматриваемого понятия к «третьему месту». С другой стороны, во многих случаях отмечается возможность уединиться и обрести связь с историей (будь то личной или общедоступной). Иными словами, любимое место притягивает близких по духу людей, что роднит понятие с «моральным регионом» и «соседством по интересам». Тем не менее, понятие Парка описывает группы, собранные общими формами возбуждения, тогда как любимое место отсылает, скорее, к обретению гармонии и бегству от суеты, т. е. формам рекреации.

Типология любимых мест

Выявленные места разделены на шесть типов. Среди них культурные объекты (музеи, театры, церкви[1], театральные вузы, посольства[2], библиотеки) — 14%, места проведения досуга (кафе, бары, антикафе, рестораны, кинотеатры) — 26%, места с зелеными насаждениями (парки, скверы, зеленые территории монастырей) — 16%, объекты городского ландшафта (улицы, набережные, мосты, дома с необычной архитектурой, площади) — 37%, шоппинг (магазины и торговые центры) — 4% и транспорт — 3%.

Как видно из распределения, любимые места чаще соотносятся с досугом и городским ландшафтом, чем с культурой и зелеными зонами. Если соотнести наше распределение с результатами

1 Мы решили отнести категорию «церкви» к типу культурных, а не религиозных объектов, так как они в большей степени отсылали к культурной ценности здания, чем к вероисповеданию; соответственно монастыри упоминались в большей степени в связи с зелеными насаждениями и удовольствием от прогулок.

2 В рассказе студентов о любимых местах посольства упоминаются не с точки зрения их посещения, а как здание, которое имеет свою культурную ценность и создает соответствующую атмосферу.

«археологии периферии», то мы обнаружим, что цели поездок в центр слабо связаны с культурным потреблением, москвичи одинаково часто посещают культурные учреждения как в районе проживания, так и на других территориях, в том числе и в центре [Левинсон, 2013, с. 363]. Вероятно, это объясняется тем, что любимые места в большей степени задействуют возможности городского центра (пересечься с друзьями, гулять по историческому району), чем потенциал периферии (т. е. возможности зеленых районов с хорошими магазинами).

Связь типа любимого места и его расположения

Одной из задач исследования — подвергнуть критическому осмыслению оппозицию центр — периферия с точки зрения смыслового наполнения пространства города. Условной границей между центром и не-центром[1] послужило Третье транспортное кольцо (ТТК). В итоге любимые места поделились на 156 центральных мест (83%) и 32 места за пределами центра (17%).

Проверка с помощью критерия хи-квадрат показала, что значимая связь между типом места и его центральностью существует. Так, в пределах условного центра находится больше культурных объектов и привлекательных элементов городского ландшафта, чем вне центра. Наиболее сильно связь проявляется также для любимых мест с зелеными насаждениями: их чаще упоминают в не-центре, чем в центре. Таким образом, культура и городской ландшафт — это атрибуты центрально-городской жизни, в то время как озелененные зоны относятся скорее к нецентральным. Распределение мест для проведения досуга и шоппинга в свою очередь не позволяет различить центр/не-центр.

Если обратить внимание на остатки между наблюдаемыми и предсказанными частотами критерия хи-квадрат, то можно заметить, что категория «центр» с точки зрения типов любимых мест более предсказуема и понятна информантам (небольшие остатки), в то время как в описании «не-центра» нет единодушного представления (в отдельных типах мест встречаются большие остатки). Таким образом, не-центр не имеет четкого портрета, а его содержательное определение зависит от противопоставления центру.

В среднем респонденты называли 11,6 любимых места. На условный центр пришлось 13,7 мест, на территории вне центра — 2. Как показал коэффициент корреляции, между частотой упоминания места и его расположением относительно центра

1 Мы специально уходим от понятия «периферии», которое попытаемся реконструировать в соотнесении с центром.

существует слабая положительная связь (0,17). Иными словами, любимое место, которое упоминается двумя и более участниками, чаще находится в центре, чем за его пределами. С одной стороны, такой вывод достаточно предсказуем, с другой стороны, несколько настораживает большее различие между средними значениями и незначительной силой связи. Это можно объяснить тем, что в индивидуальном рассказе человека любимое место часто находится в центре, но это не значит, что кто-то еще разделяет эту привязанность. Любимое место находится «у всех на виду», но в то же время оно твое, личное.

В качестве отдельного вопроса рассматривалось соотношение любимых мест с местом проживания и активности. Ввиду упрощенной подмены места проживания районом проживания, а места активности — учебным корпусом нам удалось проверить наличие связи между индивидуальными характеристиками информантов (где живет, где учится, как давно живет в Москве и т. д.), числом и расположением упомянутых им мест.

Места проживания и активности, как и другие параметры, никак не связаны с тем, какие именно любимые места указали информанты. Смысловое пространство Москвы содержит разрывы между местами различных типов: дом и любимое место разделены пространственно (они обычно удалены друг от друга), а учебный корпус в пределах Садового кольца порой хоть и близок к любимым местам, но слабо интегрирован в их смысловую конфигурацию (т. е. не соотносится с использованными в рассказе о любимых местах смысловыми отсылками).

Присутствовать в любимом месте: отсылки к местам, эпохам, состояниям

После первого полевого этапа мы получили упорядоченный по условным регионам перечень любимых мест, который был выложен в открытом доступе для участников дискуссионных групп с возможностью редактирования и заполнениями личными заметками[1]. В результате появился массив текстовых материалов с рассказами респондентов, почему то или иное место они называют любимым.

Собранный материал обработан в матричном виде, где в строках указывались любимые места, в столбцах — смысловые отсылки (места, история, состояния, персоналии), а на пересечении — 1/0

1 https://docs.google.com/spreadsheets/d/1roNvU_uLupt_8AYesCT7bUp6UVweUafK090NcvTaCmI/edit?pli=1#gid=310665562

(наличие/отсутствие смысловой отсылки). Полученную матрицу мы визуализировали в виде двухмодального графа, где один тип узлов — любимые места, упорядоченные по расположению, а другой тип узлов — смысловые отсылки. Ребра отношений между узлами означают наличие соответствующей смысловой связи.

В отличие от мест, истории и персоналий смысловые отсылки состояния получили наиболее разнородное наполнение, что потребовало от нас выделить среди них собирательные категории. У нас получилась следующая типология состояний: спокойствие (отсутствие большого количества людей, источников раздражения и беспокойства, замедление городского ритма), приятные ощущения (приятный вид и обстановка места, удовольствие от вкусной еды, хорошей музыки, внимательного отношения), необычные ощущения (уникальность места, его отличие от остальных, место не для всех, не соответствующее общепринятым представлениям), культурные переживания (мысли о литературных произведениях, размышления, вдохновение), загадочность (таинственность, закрытость, незаметность, мрачная история места и легкое волнение от пребывания), образ города (трансляция идеи Москвы в целом), оригинальные (необычные и сложные состояния, творческое вдохновение).

На момент написания текста степень наполненности личными заметками составляла 20%. Мы взяли заметки о любимых местах (31 место) и на их примере решили продемонстрировать пространственно-сетевую упорядоченность смыслов в Москве.

На первом этапе обработки мы получаем запутанный двухмодальный граф, где отображены все любимые места, расположение которых лишь частично приближено к реальному расположению на карте (рис. 1).

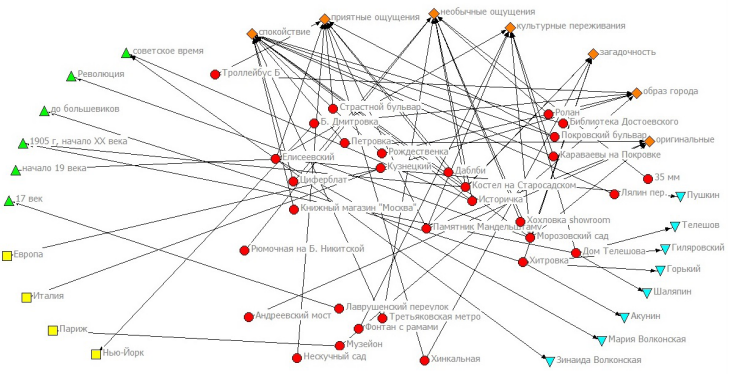

Рис. 1. «Паутина смыслов» на первом этапе обработки. Квадраты — отсылки к местам, треугольники — к истории, ромбы — к состояниям, перевернутые треугольники — к персоналиям, круги — любимые места.

Предпримем обзорную «прогулку» по паутине смыслов. Парк «Музеон» и Кузнецкий мост отсылают к Парижу и Италии, Лаврушенский переулок — к XVII в., костел в Старосадском переулке — к началу XX в., а Елисеевский магазин на Тверской совмещает в себе начало XIX в. и советский период. В одних местах студенты ощущают себя спокойно (Нескучный сад, библиотека Достоевского, кафе «Циферблат»), в других испытывают приятные ощущения («Хинкальная» на Пятницкой, Страстной и Покровский бульвары), а в третьих окунаются в атмосферу загадочности (сквер с памятником Мандельштаму, Хитровка). Есть также места, которые олицетворяют гениев места: Хитровка — Гиляровского, Елисеевский — Волконских, дом Телешова — Шаляпина.

Пути и районы

Перед нами стоит задача обнаружить близкие по смыслу места, связь между которыми поддерживается с помощью схожих смысловых отсылок и путей, из одного места в другое. Теоретически обнаружение связи между местами должно обеспечиваться как их смысловой, так и пространственной близостью.

Для обнаружения смысловой близости мы воспользуемся анализом структурных свойств паутины смыслов, в частности, нас интересуют меры центральности: degree, closeness, betweenness. Данные параметры используются, когда исследователи пытаются описать связь между частотой упоминания объектов в ментальных картах и сетевыми свойствами ментального образа [Omer, Jiang, 2010].

Отбросив незначимые показатели по всем трем параметрам, мы получаем центральные места с ключевыми смысловыми отсылками (на примере показателя degree см. рис. 2).

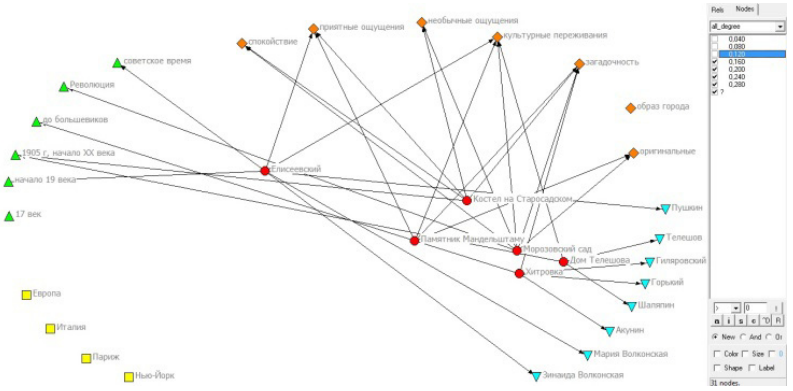

Рис. 2. Любимые места с показателем degree 0,16 и выше (разброс от 0,04 до 0,28).

Затем родственные места мы упорядочиваем по соответствующим категориям и группируем.

Спокойное	Приятное	Загадочное	Культурное	Необычное	Советское	Досоветское
Историческая библиотека Костел Морозовский сад * Покровский бульвар * Рождественка	Покровский бульвар Елисеевский магазин Мандельштам * Костел	Мандельштам Костел Морозовский сад * Хитровка	Елисеевский магазин Мандельштам Морозовский сад Дом Телешова	Костел Морозовский сад	Историческая библиотека Елисеевский магазин	Хитровка * Костел

В результате мы получили смысловую конфигурацию связей (рис. 3). Если двухмодальный тип графа (любимые места и типы отсылок) позволяет интерпретировать смысловую организацию мест, то при переходе к одномодальному типу (только места) становится более наглядной их околопространственная конфигурация, которая больше соответствуют реальному расположению мест на карте.

Рис. 3. Типы связей между любимыми местами.

На основании сетевого анализа смысловой конфигурации мы можем выделить следующую организацию путей. За счет культурной отсылки мы получаем связку-путь «Елисеевский — Мандельштам — Морозовский сад», которая, с одной стороны, на разных участках плавно переходит в спокойно-советскую связку «Елисеевский — Историческая библиотека — костел — Морозовский сад — дом Телешова — Покровский бульвар», а с другой стороны, противопоставляется загадочной досоветской связке «костел — Морозовский сад — Хитровка — Мандельштам».

После проекции выявленных связок-путей на карту можно наблюдать их пространственную упорядоченность. К сожалению, для текущего исследования сетевой анализ проводился не по всему массиву данных, из-за чего лучше представлены места, расположенные рядом со станцией метро «Китай-город». Если мы сосредоточимся на этих местах, опустив достаточно удаленный Елисеевский магазин, получим район, который образуется за счет пересечения мест со схожими смысловыми отсылками и нескольких взаимодополняющих путей (рис. 4).

Рис. 4. Карта путей и района.

Заключение

Поставив в исследовании цель описать пространственно-сетевую конфигурацию любимых мест студентов в Москве, мы пришли к следующим выводам.

Выявленные в ходе партисипативного картографирования любимые места редко являются типичными местами коммуникации и досуга. Они привлекают не возможностью собраться с друзьями (как «третье место» Олденбурга) и не являются чем-то вроде клуба по интересам (как «моральный регион» Парка). Любимое место в городе часто рассматривается как то, что делает город городом.

Большее число любимых мест оказалось в пределах условного центра, в пределах ТТК. Но не только границы делают эти места центральными. Во многом их центральность обоснована содержанием многочисленных смысловых отсылок, плотностью связей и наличием сложносоставных структур в виде путей

и целых районов. Периферия в этом плане бедна, ее ресурс смысловых коннотаций скуден, а места дискретны.

Примечательно, что рассказ о городе с точки зрения любимых мест слабо подвержен изменениям из-за разного расположения текущего места проживания и учебы студентов. Все информанты преимущественно описывают город в отрыве от дома и места учебы, из-за чего любимые места образуют самодостаточные смысловые регионы, которые удалены от будничного мира как пространственно, так и содержательно.

Ключевым выводом работы стал тот факт, что категории, в которых описывается любимое место («тихий уголок», «таинственное, «затерявшееся»), никак не связаны с настоящим временем и его персонажами. Любимое место (как и конституируемый из него район), хоть и находится в центре, ему не принадлежит. Напротив, это инструмент, с помощью которого человек определяет себя и свое место в слабо дифференцируемом городском пространстве Москвы. Получается, что и центр столицы имеет малое отношение к самому городу. Его устойчивое смысловое ядро конституируются отношениями и отсылками к эпохам, состояниям и местам, слабо связанным с повседневностью столицы и ее актуальными проблемами.

Центр, относительно предсказуемый и знакомый, уносит образ Москвы порой то куда-то в Западную Европу и Нью-Йорк, то в XVII в., а то и ко времени Пушкина и Волконских. Образы эти предельно разнообразны и подвижны, причем у многих респондентов они свои, личные. В связи с этим у того, что принято называть периферией, мало шансов получить общепринятое смысловое наполнение. Периферия обретает определение через отрицание — не-центр, остается, правда, непонятным, что и как отрицается.

Надо признать, что процедуры выделения путей, а тем более районов, носят пока слабо формализованный характер. Перспектива работы в этой области заключается в развитии методов кластеризации сетевых структур за счет сравнения показателей плотности графа до присоединения (места) и после присоединения узла. Не меньше вопросов вызывает и другой немаловажный сюжет, который остался за пределами данного исследования: это мобильность и ее роль в процессе смыслообразования.

Немало любимых мест представляли собой целые улицы и бульвары, протяженность которых сама по себе подразумевала движение. Еще ярче к перемещению отсылают случаи (их, впрочем, всего 3%), когда в качестве любимого места указывался целый транспортный маршрут (троллейбус «Б» или трамвай, курсирующий

по Чистопрудному бульвару). Сюжет, связанный с транспортом, отсылает нас к работам, которым свойственно переносить точку отсчета из пространственных или структурных параметров в саму мобильность [Филиппов, 2012б], обнаруживая новый потенциал для единения и солидарности. Такая исследовательская стратегия пока слабо интегрируется в логику пространственно-сетевого анализа, что заставляет задуматься о его содержательных и методических ограничениях.

Библиография

Бауман З. (2008) *Город страхов, город надежд*. Логос, (3): 24–53.

Богоров В., Новиков А., Серова Е. (2013) *Самопознание города. Археология периферии. Раздел D—«Данные».* [Московский урбанистический форум, 2013]. М.: С. 382–407.

Бредникова О., Ткач О. (2010) *Дом для номады.* Laboratorium, (3): 72–95.

Вахштайн В. (2013) К*ак рождаются урбанистические пиджины*./Полит. ру. 7 декабря 2013 г. Available at: http://polit.ru/article/2013/12/07/urban/(accessed 20.05.2014).

Вахштайн В. (2013а) *Куда заведет утопическое воображение*. Available at: http://page42.ru/events/413-kuda-zavedet-utopicheskoe-voobrazhenie. xl (accessed 20.05.2014).

Вахштайн В. (2013б) *К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками*. Социология власти, (3): 15–16.

Верлен Б. (2001) *Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география*. Социологическое обозрение, 1 (2): С. 26–48.

Веселкова Н. В. (2010) *Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования.* Социология: методология, методы, математическое моделирование, (31): С. 5–30.

Вирт Л. *Урбанизм как образ жизни*. Available at: http://www.urban-club.ru/? p=99 (accessed 30.05.2013).

Войнилов Ю. (2013) *Сражение, которого не было*. Социология власти, (3): 180–184.

Глазков К., Круглова К. (2014) *«Пограничные» понятия: теоретические и эмпирические основания различения типов локальностей* [Конкурсы для студентов и молодых ученых Московского института социально-культурных программ. Работы победителей 2013 г.: лучшие эссе и проекты исследований], М.: МИСКП: 6–29.

Левинсон А. *Текучее и недвижное в московской периферии. Археология периферии. Раздел S—«Общество»* [Московский урбанистический форум, 2013], М.: С. 314–381.

Лефевр А. (2002) *Идеи для концепции нового урбанизма.* Социологическое обозрение, 2 (3). Available at: http://www.hse.ru/data/2011/03/30/1211 856 676/2_3_3.pdf. (accessed 10.11.2013).

Линч К. *Образ города*, М.: Стройиздат, 1982. Available at: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm (accessed 30.05.2013).

Ло Д. (2006) *Объекты и пространства.* Социологическое обозрение, 5 (1): 31–43.

Митчелл У. Дж. (2012) *Я++: Человек, город, сети*, М.: Strelka Press.

Николаев В. (2011) *Идентичность, структура опыта, социальная структура.* Вопросы социальной теории. (V): 199–222.

Парк Р. (2011) *Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде. Парк Р. Избранные очерки*, М.: ИНИОН: 19–56.

Паченков О. (2014) *Жизнь за пределами центра: диагноз и прогноз*. Available at: http://mosurbanforum.ru/filemanager/download/5495.

Пузанов К. (2013) *Территориальные границы городских сообществ. Социология власти*, (3): 34.

Ревзин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. (2013) *Метагорода в стране Москва*. Серия «Библиотека Суперпарка» [Московский урбанистический форум], М.

Ревзин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. (2013) *Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве. Археология периферии. Раздел С — «Культура»* [Московский урбанистический форум], М.: 280–289.

Серто де М. (2013) *Изобретение повседневности*, Спб.: Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге.

Серто де М. (2008) *По городу пешком/Социологическое обозрение*, 7 (2): 24–38.

Трубина Е. (2013) *Примиряясь с упадком: руины 2.0. Неприкосновенный запас, (89)* Available at: http://www.nlobooks.ru/node/3728 (accessed 10.11.13).

Трущенко О. Е. (1995) *Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве*, М.: Socio-Logos.

Филиппов А. (2012а) *Мобильность и солидарность. Статья вторая.* Социологическое обозрение, 11 (3): С. 19–21.

Филиппов А. (2012б) *Парадоксальная мобильность.* Отечественные записки, 5 (50). Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/2f. html.

Филиппов А. (2011) *Мобильность и солидарность. Статья первая.* Социологическое обозрение, 10 (3): 4–20.

Филиппов А. (2009) *Пустое и наполненное: трансформация публичного пространства.* Социологическое обозрение, 8 (3): С. 16–30.

Филиппов А. Ф. (2008) *Социология пространства*, Спб.: Владимир Даль.

Alexander C. (1977) *A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction.* Oxford University Press: 1216.

Auge M. (1995) *Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity.* Available at: http://www.acsu.buffalo.edu/~jread2/Auge%20Non%20pl (accessed 30.05.2013).

Casey E. S. (2001) *Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?* Annals of the Association of American Geographers, 91 (4): 683–693.

Castells M. (1989) *The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process.* Blackwell.

Fahy F., Cinnéide M. Ó. (2009) *Re-Constructing the Urban Landscape through Community Mapping: An Attractive Prospect for Sustainability?* Area, 41 (2): 167–175.

Freeman J. (2008) *Great, good, and divided: The politics of public space in Rio de Janeiro.* Journal of Urban Affairs, (30): 529–556.

Jeffres L. W., Bracken C. C., Jian G., Casey, M. F. (2009) *The Impact of Third Places on Community Quality of Life.* Applied Research in Quality of Life, (4): 333–345.

Mead G. H. (1938) *The Philosophy of the Act*. C. W. Morris, J. M. Brewster, A. M. Dunham (eds), Chicago.

Oldenburg R., Brissett D. (1982) *The Third Place.* Qualitative Sociology, (5): 265–284.

Omer I., Jiang B. (2010) *Imageability and Topological Eccentricity of Urban Streets.* GeoJournal Library 99. Springer Science, Business Media B. V.

Relph E. *Place and Placelessness*, London: Pion, 1976.

Tuan Yi-Fu. (1990) *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*, Columbia University Press.

References

Alexander C. (1977) *A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction*. Oxford University Press: 1216.

Auge M. (1995) *Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity.* Available at: http://www.acsu.buffalo.edu/~jread2/Auge%20Non%20pl (accessed 30.05.2013).

Bauman Z. (2008) *Gorod strakhov, gorod nadezhd*. Logos, (3): 24–53.

Bogorov V., Novikov A., Serova E. (2013) *Samopoznanie goroda. Arkheologiya periferii. Razdel D — «Dannye».* [Moskovskiy urbanisticheskiy forum, 2013]. M.: S. 382–407.

Brednikova O., Tkach O. (2010) *Dom dlya nomady.* Laboratorium, (3): 72–95.

Casey E. S. (2001) *Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?* Annals of the Association of American Geographers, 91 (4): 683–693.

Castells M. (1989) *The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban Regional Process*. Blackwell.

Fahy F., Cinnéide M. Ó. (2009) *Re-Constructing the Urban Landscape through Community Mapping: An Attractive Prospect for Sustainability*? Area, 41 (2): 167–175.

Filippov A. (2012a) *Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya vtoraya.* Sotsiologicheskoe obozrenie, 11 (3): S. 19–21.

Filippov A. (2012b) *Paradoksal'naya mobil'nost'.* Otechestvennye zapiski, 5 (50). Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/2f. html.

Filippov A. (2011) *Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya pervaya*. Sotsiologicheskoe obozrenie, 10 (3): 4–20.

Filippov A. (2009) *Pustoe i napolnennoe: transformatsiya publichnogo prostranstva*. Sotsiologicheskoe obozrenie, 8 (3): S. 16–30.

Filippov A. F. (2008) *Sotsiologiya prostranstva*, Spb.: Vladimir Dal'.

Freeman J. (2008) *Great, good, and divided: The politics of public space in Rio de Janeiro.* Journal of Urban Affairs, (30): 529–556.

Glazkov K., Kruglova K. (2014) *«Pogranichnye» ponyatiya: teoreticheskie i empiricheskie osnovaniya razlicheniya tipov lokal'nostey* [Konkursy dlya studentov i molodykh

uchenykh Moskovskogo instituta sotsial'no-kul'turnykh programm. Raboty pobediteley 2013 g.: luchshie esse i proekty issledovaniy], M.: MISKP: 6–29.

Vakhshtayn V. (2013) *Kak rozhdayutsya urbanisticheskie pidzhiny*/Polit.ru. 7 dekabrya 2013 g. Available at: http://polit.ru/article/2013/12/07/urban/(accessed 20.05.2014).

Vakhshtayn V. (2013a) *Kuda zavedet utopicheskoe voobrazhenie.* Available at: http://page42.ru/events/413-kuda-zavedet-utopicheskoe-voobrazhenie. xl (accessed 20.05.2014).

Vakhshtayn V. (2013b) *K kontseptualizatsii soobshchestva: eshche raz o rezidentnosti ili rabota nad oshibkami.* Sotsiologiya vlasti, (3): 15–16.

Verlen B. (2001) *Obshchestvo, deystvie i prostranstvo.* Al'ternativnaya sotsial'naya geografiya. Sotsiologicheskoe obozrenie, 1 (2): S. 26–48.

Veselkova N. V. (2010) *Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktiki ispol'zovaniya.* Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie, (31): S. 5–30.

Virt L. *Urbanizm kak obraz zhizni*. Available at: http://www.urban-club.ru/? p=99 (accessed 30.05.2013).

Voynilov Yu. (2013) *Srazhenie, kotorogo ne bylo.* Sotsiologiya vlasti, (3): 180–184.

Jeffres L. W., Bracken C. C., Jian G., Casey, M. F. (2009) *The Impact of Third Places on Community Quality of Life*. Applied Research in Quality of Life, (4): 333–345.

Levinson A. *Tekuchee i nedvizhnoe v moskovskoy periferii*. Arkheologiya periferii. Razdel S — «Obshchestvo» [Moskovskiy urbanisticheskiy forum, 2013], M.: S. 314–381.

Lefevr A. (2002) *Idei dlya kontseptsii novogo urbanizma.* Sotsiologicheskoe obozrenie, 2 (3). Available at: http://www.hse.ru/data/2011/03/30/1211856676/2_3_3.pdf. (accessed 10.11.2013).

Linch K. *Obraz goroda*, M.: Stroyizdat, 1982. Available at: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm (accessed 30.05.2013).

Lo D. (2006) *Ob»ekty i prostranstvo.* Sotsiologicheskoe obozrenie, 5 (1): 31–43.

Mead G. H. (1938) *The Philosophy of the Act*. C. W. Morris, J. M. Brewster, A. M. Dunham (eds), Chicago.

Mitchell U. Dzh. (2012) *Ya++: Chelovek, gorod, seti*, M.: Strelka Press.

Nikolaev V. (2011) *Identichnost', struktura opyta, sotsial'naya struktura.* Voprosy sotsial'noy teorii. (V): 199–222.

Oldenburg R., Brissett D. (1982) *The Third Place*. Qualitative Sociology, (5): 265–284.

Omer I., Jiang B. (2010) *Imageability and Topological Eccentricity of Urban Streets.* GeoJournal Library 99. Springer Science, Business Media B. V.

Park R. (2011) *Gorod: Predlozheniya po issledovaniyu chelovecheskogo povedeniya v gorodskoy srede*. Park R. Izbrannye ocherki, M.: INION: 19–56.

Pachenkov O. (2014) *Zhizn' za predelami tsentra: diagnoz i prognoz.* Available at: http://mosurbanforum.ru/filemanager/download/5495.

Puzanov K. (2013) *Territorial'nye granitsy gorodskikh soobshchestv.* Sotsiologiya vlasti, (3): 34.

Revzin G., Tarnovetskaya R., Chubukova M. (2013) *Metagoroda v strane Moskva.* Seriya «Biblioteka Superparka» [Moskovskiy urbanisticheskiy forum], M.

Relph E. *Place and Placelessness*, London: Pion, 1976.

Revzin G., Tarnovetskaya R., Chubukova M. (2013) *Modernistskiy proekt gorodskoy kul'tury i ego sud'ba v Moskve. Arkheologiya periferii. Razdel C* — «Kul'tura» [Moskovskiy urbanisticheskiy forum], M.: 280–289.

Serto de M. (2013) *Izobretenie povsednevnosti*, Spb.: Izd-vo Evropeysk. un-ta v Sankt-Peterburge.

Serto de M. (2008) *Po gorodu peshkom*/Sotsiologicheskoe obozrenie, 7 (2): 24–38.

Trubina E. (2013) *Primiryayas' s upadkom: ruiny 2.0. Neprikosnovennyy zapas, (89)* Available at: http://www.nlobooks.ru/node/3728 (accessed 10.11.13).

Trushchenko O. E. (1995) *Prestizh tsentra: gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve*, M.: Socio-Logos.

Tuan Yi-Fu. (1990) *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*, Columbia University Press.